

История одной любви

Талос сердца

Юлия Богатырёва

История одной любви

Юлия Богатырёва

Голос сердца

"Мультимедийное издательство Стрельбицкого"

Богатырёва Ю.

Голос сердца / Ю. Богатырёва — "Мультимедийное издательство Стрельбицкого", — (История одной любви)

Книга – первая часть диалогии «История одной любви». Это повесть о любви двух студентов московского вуза. Она о том, как развивались их взаимоотношения, постепенно перерастая из симпатии и дружбы в искреннюю, глубокую любовь. И как вместе с тем менялось их отношение к миру, людям, ситуациям. Как постепенно раскрывались их характеры и отношения с близкими людьми, родными. Написанное в форме дневника повествование позволяет в полной мере погрузиться в чувства и переживания героев, пройти вместе с ними весь путь взросления и становления Души, осознать что-то новое или, наоборот, вспомнить давно забытое старое. Эта книга о ЛЮБВИ. Не только о романтической любви между мужчиной и женщиной, но и о родительской, о любви и уважении к братьям нашим меньшим, ведь они обладают намного большей мудростью и пониманием, чем принято считать.

© Богатырёва Ю.
© "Мультимедийное издательство
Стрельбицкого"

Содержание

Уважаемые читатели!	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Юлия Владимировна Богатырева

Голос сердца

История одной любви

Уважаемые читатели!

Все герои книги — вымышленные персонажи.
Любое совпадение с реальными людьми — случайность.
Все события, описываемые в этом произведении произошли не в нашей реальности, но при определенных обстоятельствах могли бы произойти и у нас.
Приятного чтения!
12.12.2012 г.

Четверг, 9 октября 2003 г.

Ольга

Эта история началась, когда мне было 19 лет. В то время я училась на третьем курсе института со звучным названием Всероссийская государственная налоговая академия (правда среди студентов мало кто называл наше временное пристанище «институт» — все больше «академия» или «универ», сокращенно от университета).

Новый учебный 2003 год ничем не отличался от предыдущих двух: те же друзья, аудитории, лекции, семинары. Правда преподаватели сменились, появились новые предметы, но манера преподавания осталась та же — так что к началу октября все поймали привычный ритм и втянулись в учебный процесс.

И вот в один скучный, слякотно — серый октябрьский денек я, задумавшись, сидела за партой в 205 аудитории. Был конец учебного дня и все с радостью бы разбежались по домам, но наша ушла староста — Лена Нестерова — не дала нам такой возможности, объявив, что хочет с нами обсудить жизненно важный общественный вопрос. Так что наша группа завистливо проводив взглядом счастливых из других групп (последней была лекция по мировой экономике для всего нашего потока будущих бухгалтеров и аудиторов), осталась в аудитории.

Общественный вопрос оказался всего лишь агитацией в команду КВН от нашего курса. Я никогда не любила участвовать в подобных мероприятиях, предпочитала наблюдать со стороны. Естественно, я не собиралась записываться ни в какую команду, но уйти сейчас тоже было нельзя: любое движение в сторону выхода воспринималось активной старостой как личное оскорбление и сопровождалось настойчивыми попытками втянуть тебя в общественную жизнь академии любым способом. Так что намного проще и разумнее было не привлекать ее внимания и переждать «бурю» в тихом уголке, притворившись мебелью.

И конечно ничего удивительного не было в том, что сразу после объявления темы собрания, я привычно отключилась от голоса старосты и уставилась в окно. Ничего примечательного и интересного за ним не наблюдалось, в итоге мои мысли полетели в сторону ближайшего будущего: домашних дел, предстоящих зачетов, курсовых и контрольных работ, новой книги (которую я на данный момент читала) и, конечно же, ближайших выходных. Из привычных раздумий меня вырвали слишком громкие крики... Конечно, в аудитории и до этого не было спокойно и тихо, половина группы болтала на отвлеченные темы, а дру-

гая половина пыталась отбиться от настойчивой Лены, но этот шум не мешал мне думать о своем, создавая относительно ровный звуковой фон в голове... А эти крики существенно отличались от прочих своей агрессивностью и угрожающей интонацией и резко выделялись на фоне ровного гула.

Оглядевшись, я поняла, что кричал Адам Идолбаев, и свою агрессию он направлял на Нестерова. Угрожающе нависнув над ней, он как обычно не стеснялся в выражениях:

— Как можно быть такой тупой коровой?! Я же уже сказал, что мне нафиг не нужен этот КВН, у меня своих дел предостаточно! Я что непонятно говорю или у тебя что-то с ушами? И причем здесь мои прогулы? Только попробуй заявить об этом в деканат — это же надо до чего додумалась! Что, давно по башке соевей дурной не получала?

Я мысленно поморщилась: Адама в нашей группе да и вообще откровенно побаивались. Мало того, что он был чеченцем (которых в нашей группе было еще двое: Рустам и Али), так еще и отличался своим агрессивным нравом, драчливостью и несдержанным поведением. Вы только не подумайте, что я расистка или имею что-то против чеченцев, ничего подобного. В нашей академии уж не знаю по какой причине учится очень много народу этой национальности. На первый взгляд кажется что они составляют чуть ли не треть всех студентов и за два года совместного обучения мы все успели к ним привыкнуть. Но Адам даже среди них выделялся своей повышенной вспыльчивостью, неумением сдерживать свои эмоции и непредсказуемостью. По-моему с ним старались не связываться даже собственные друзья-чеченцы. И в то же время, когда он пребывал в хорошем расположении духа, он был одним из самых уверенных, находчивых и сообразительных парней нашей группы. Так что очень мало кто из сокурсников рисковал вступать с ним в открытый конфликт, поэтому если они и случались, то чаще по воле Адама, которому видимо было просто некуда больше выплескивать накопившиеся негативные эмоции. Лена Нестерова по роду своей должности была одной из таких рискующих, но до сих пор она умудрялась в общении с ним обходить острые углы. А сегодня, кажется, не получилось.

Одноразовники стали подтягиваться ближе к месту событий — как известно, скандалы всегда и везде вызвали у народа живой интерес и наша группа не была исключением. Я тоже взяла свою сумку, подошла поближе, но не чтобы поглазеть и послушать (грубое выяснение отношений вызвало во мне лишь внутренний протест и желание отвернуться), а чтобы незаметно проскользнуть к выходу из аудитории и поскорее уйти. Но не тут-то было: проход к спасительному выходу был плотно забит любопытными студентами, пришлось остановиться и слушать дальше.

Лена Нестерова была не из робкого десятка, про таких обычно говорят «за словом в карман не лезет», однако даже она при виде откровенной грубости и угрозы со стороны Адама слегка растерялась. Но, видно, ей не хотелось терять свой авторитет в группе, а злость на оскорбление не дала как следует обдумать последствия своих высказываний и поэтому ее растерянность длилась не долго. Вскочив с места и опершись руками о парту, которая их разделяла словно барьер, она закричала в ответ:

— Адам, ты — хамло каких еще поискать! И нечего на меня орать, придурок! Думаешь мне так уж хочется возиться с тобой и твоими прогулами? Да мне плевать на это с высокой колокольни! Да и вообще катись ты к черту — если ты будешь так беситься на репетициях, то только все испортишь!

«Ой-ей-ей» — подумала я — «зря она так сказала». К моему несчастью я застряла как раз недалеко от Адама и прекрасно видела какое впечатление произвели ее слова: у него все лицо побелело от ярости, зеленые глаза сузились и сквозь стиснутые зубы вырвалось шипение:

— Что, совсем страх потеряла, дура? А за придурка ты мне ответишь! — а затем неожиданно для всех схватил ее за руки в районе запястий и больно сжал.

Лена внешне не выглядела хрупкой, наоборот она была упитанной блондинкой со стрижкой под каре, крупными чертами лица, громогласным голосом и ничем не уступала Адаму в росте (хотя он был выше меня почти на голову). Может быть она бы и смогла дать ему отпор, если бы была готова к такому повороту событий. Но все произошло так внезапно. Никто ничего не успел понять. Я со своего места услышала лишь, как Лена вскрикнула и попыталась вырваться, но безрезультатно. Видимо в этот момент она и осознала, что наболтала лишнего и опасных маньяков лучше не злить. Даже мне стало страшно — от Адама исходили такие мощные волны гнева, что хотелось оказаться от него как можно дальше.

— Что ты делаешь, отпусти, — взмолилась бедная Нестерова. С моего места мне не было видно ее лица, но по голосу без труда можно было определить, что ей страшно и она вот-вот заплачет от боли и унижения — прекрати, мне больно... Совсем спятил что ли?

Но Идолбаев будто не слышал ее и только продолжал сжимать ее руки все сильнее. Тут я поняла, что если кто-нибудь не вмешается, это все может очень плохо закончиться. Однако никто не проявлял желаний остановить бешеного чеченца. С одной стороны я их понимала: никому не хотелось попасть под горячую адамову руку и занять место старосты. Ведь весь его гнев мог обратиться на произвольного защитника.

Однако с другой стороны Лену мне было очень жалко. Староста в принципе была неплохая девушка: решительная, заводная, отзывчивая, со своими обязанностями справлялась довольно хорошо и совсем не заслуживала того, чтобы ей ломали руки всего лишь за то, что она пыталась создать из таких безынициативных лоботрясов как мы команду КВН. Чувство справедливости в тот момент во мне пересилило страх, и внутренне холодея от того, что сейчас сделаю, я шагнула к Адаму и громко сказала:

— Адам, хватит.

Он посмотрел на меня и я внутренне напряглась ожидая какой-нибудь грубости. Но он ничего не сказал. Внутренний голос подсказал мне: ярость настолько ослепила его, что он даже перестал понимать что делает — во всяком случае, в его взгляде, обращенном на меня не было ни капли осмысленности. Мне почему-то в этот момент вспомнилась разозленная и готовая напасть кобра — одно неверное движение и ужалит. Поэтому я постаралась не делать резких движений и обратилась к нему, заставляя свой голос звучать предельно спокойно, но твердо:

— Адам, достаточно. Успокойся. Не нужно так делать. Это перебор. — к моему большому облегчению я, кажется, была услышана: осмысленность постепенно начала возвращаться в его глаза, он отпустил плачущую старосту, которая бессильно упала на стул, и оглядел аудиторию. Я внимательно вглядывалась в этот момент в его глаза, опасаясь, что он набросится теперь уже на меня, поэтому заметила как на его лице быстро промелькнули удивление, смущение, раскаянье, снова гнев и тут он посмотрел на меня.

У меня душа ушла в пятки и вся моя смелость куда-то подевалась, настолько острым и пронзительным был этот взгляд! Мне захотелось убежать или провалиться сквозь пол, но я не могла себе этого позволить — внутреннее чутье подсказывало мне, что сейчас ни в коем случае нельзя показывать ему свой страх — это все равно, что помахать красной тряпкой перед самым носом у быка. Пришлось мне собрать всю свою решительность, все спокойствие и, продолжая смотреть в эти прожигающие меня насквозь глаза, я как можно более уверенно и тихо сказала:

— Сейчас тебе лучше уйти. — К моему удивлению он послушался. Молча развернулся и направился к выходу.

К счастью, у него с этим не возникло таких проблем как у меня: одноклассники молча расступались перед ним, словно он был окружен каким-то невидимым глазу силовым полем. Как только Идолбаев вышел, я облегченно вздохнула и осмотрелась — теперь все взгляды были направлены на меня. Это непрошенное внимание так меня смутило, что захотелось

покинуть злополучную аудиторию как можно скорей (вообще-то я терпеть не могу быть в центре внимания, особенно когда я к нему не готова, у меня это отнимает слишком много сил и я теряю свое внутреннее равновесие). Однако мне совсем не хотелось столкнуться с Адамом в коридоре, надо было дать ему время прийти в себя и успокоиться. Поэтому я подошла к Лене, спросила:

— Ну, как ты? Все в порядке? Очень больно?

Староста подняла на меня взгляд, попыталась улыбнуться сквозь слезы, но получилась скорее гримаса, а не улыбка, так как губы у нее дрожали от пережитого потрясения:

— Я? Не знаю... Не думаю, что я в порядке, — уныло сказала она, потом посмотрела на свои запястья и в голосе зазвенело возмущение. — Вот ведь псих! Ты только посмотри, что он с моими руками сделал! Совсем больной! Синяки теперь наверняка останутся... — и горестно вздохнула. Действительно, на запястьях начали постепенно проступать багрово-сизые следы от пальцев. Выглядело это жутковато. Одногоруппники постепенно ожили и подошли поближе посочувствовать и предложить свою помощь.

— Да, Лен, действительно больной, — сказала Лиля Иванцова. — Хочешь мы с Катей поможем тебе дойти до медпункта? — Катя Фунтикова согласно закивала.

— Да, спасибо, а то меня что-то ноги совсем не держат, — отозвалась староста.

— А я знаю хорошую мазь от синяков и ушибов, у меня дома есть. Хочешь, завтра принесу? — предложил наш замстаросты Никита Горчеев.

— Нет, Ник, спасибо. Я думаю, завтра от твоей мази толку не будет никакого, потому что мазать надо уже сейчас, а не сутки спустя. Но все равно спасибо за предложение.

Я поняла, что тут и без меня теперь обойдутся и я могу наконец-то спокойно уйти:

— Лен, ты извини, но можно я пойду? Я, конечно, понимаю, что создание команды КВН очень важное мероприятие, но меня уже наверно дома заждались. Отпустишь?

— А? — отвлеклась Нестерова от животрепещущей темы своих синяков — Ладно, Соколова, иди.

— Спасибо, пока — попрощалась я и стремительно рванула к выходу, но уже в дверях меня снова догнал ленин голос:

— Эй, Оль, подожди — я обернулась вопросительно взглянув на нее — ты это... Спасибо, что остановила этого психа Идолбаева. Кто бы мог подумать: ты такая тихоня, а оказалась у нас самая смелая — никто кроме тебя за меня не заступился — и она сурово и с обидой посмотрела на Никиту и остальную мужскую часть нашей группы.

Ник виновато опустил голову, остальные принялись разглядывать стены и смотреть куда угодно лишь бы не на старосту. Я почувствовала себя неловко. Конечно, в чем-то Лена была права: может быть у нее и не было бы этих «украшений» на запястьях, если бы парни дружно собрались и объяснили Адаму где он не прав. Но все же мне не хотелось прослыть бесстрашной защитницей обиженных и угнетенных, тем более что это была неправда: я тоже испугалась, просто ситуация была критическая и вмешательство требовалось срочно. Все это быстро промелькнуло в моей голове, а вслух я сказала:

— Не за что, Лен. Я просто стояла к нему ближе всех, вот мне и выпал жребий привести его в чувство. — Никита мне благодарно улыбнулся, остальные парни вздохнули с облегчением — Да и потом, я думаю, если бы ты оказалась на моем месте, а я, к примеру, на твоём, то ты сделала бы для меня тоже самое, правда же?

— Э-э-э... Да, конечно же, — откликнулась староста сбитая столку в самом начале своей гневной отповеди.

— Ну, ладно, так я пошла?

— Иди, иди.

Я выскользнула за дверь. К счастью, Идолбаева за дверью не было, да и вообще в пределах видимости его не наблюдалось. Шестое чувство мне подсказывало, что он скорее всего

покинул стены нашего прекрасного учебного заведения, и я решила последовать его примеру. Тем более, что дома действительно ждали.

Адам

После разборки с Нестеровой во мне все кипело от гнева. Но уже не на безмозглую старосту, а на себя. Это же надо так подставиться! Она ведь может и заявление в милицию написать, у нее ума, точнее его отсутствия, хватит. Да и свидетелей у нее полный класс. Ну что я за дурак, какой черт дернул меня хватать ее за руки?! Силой я никогда не был обижен, а тренировки по боксу еще больше укрепили руки. Наверное, у Ленки теперь будут огромные синяки. Господи, как же мне надоел мой дурацкий характер! И почему я не могу как все нормальные люди контролировать свои эмоции? У других же получается (взять хотя бы Джамсура, брата моего — тоже не подарок, но хоть не бросается на людей после первого же оскорбления), но только не у меня! Теперь опять придется извиняться, просить прощения, унижаться, задабривать как-то... Как мне все надоело, пропади оно пропадом!

Так, все, мне надо остыть. Чтобы успокоиться, я пулей вылетел из здания академии и вдохнул сырой осенний воздух. Нет, все же надо что-то придумать, а то мои взрывоопасные эмоции кажется начинают доставлять мне серьезные проблемы. Надо успокоиться... Дыши, Адам, дыши. Я старался вдыхать как можно глубже и выдыхать как можно медленнее. Вроде бы постепенно ярость начала утихать, теперь надо подумать на какие-нибудь отвлеченные темы. Вспомнилось начало дня, если честно не самая удачная тема, но ничего другого не пришло в голову.

День не задался с самого утра. Вчера мы здорово повеселились на дне рождения у Рустама. Зато сегодня я чуть не проспал в универ, все-таки два часа для сна — это мало-вато. Голова трещала просто зверски, совершенно никуда не хотелось идти, но прогуливать больше было нельзя — на прошлой неделе я был слишком занят тренировками и в академии почти не появлялся. Невероятным усилием воли вытащив себя из теплой постели, я быстро оделся и побрёл к раковине умываться. Но только включил воду, как услышал треньканье своего мобильного.

Звонил отец. Его как обычно не устраивало все, что я делаю, а именно: что я выбрал продолжать свое образование (а не принять участие в семейном бизнесе как ему бы хотелось), что я уехал учиться сюда (а ведь мог бы найти универ поближе к дому), что я не уважаю старших и вечно с ним препираюсь вместо того чтобы послушать умных людей (умным он, конечно же, считал только себя) и все в таком же духе. От его нотаций голова разболелась еще сильнее, я не мог больше это выслушивать и постарался вклинить в нескончаемый поток нравочений:

— Отец, я все это уже слышал тысячу раз. Именно из-за таких разговоров я и уехал. Зачем ты вообще мне звонишь, да еще в такую рань? Переходи ближе к делу, а то я уже опаздываю в академию — неприязненно выдавил я, пытаюсь справиться с очередной волной головной боли.

— Не смей разговаривать со мной в таком тоне! Мал еще. Я что не имею права позвонить родному сыну когда мне захочется? И кстати, раз уж ты так хочешь узнать о цели моего звонка, то позволь тебя спросить: какого хрена тебе понадобилось кланчить денег у старшего брата? Я что мало тебе даю? Куда ты их только деваешь! Наверняка по всяким кабакам шляешься вместо того, чтобы помогать родителям! Когда же ты уже повзрослеешь, ведь 20 лет уже, пора бы взяться за ум.

После такой отповеди (несправедливой к тому же) во мне взрывной волной вспыхнул гнев, но я постарался его сдержать, все-таки какие-то зачатки уважения к старшим сохранились:

— Во-первых, я не клянчил — Джамсур сам мне предложил. Во-вторых, это не на кабаки, а на тренировки по боксу — в отличие от тебя, отец, он понимает как для меня это важно. В-третьих, я собираюсь их ему вернуть при первой же возможности. А в-четвертых, извини, но по-моему тебя это не касается. Не ты мне эти деньги дал и тебя не должно волновать на что я их трачу!

— Нет, ты не прав, дорогой мой, меня это еще как касается! Все-таки ты мой сын, а не какой-нибудь оборвыш с помойки! Твой бокс тебя до добра не доведет, помани мое слово, один неосторожный удар по твоей бестолковой черепушке — и на всю жизнь останешься слюнявым идиотом. Не для того я тебя растил и воспитывал, чтобы потом мы с матерью всю жизнь с тобой нянчились и оплачивали твое лечение. Не хочешь отца послушать, так хоть мать свою пожалей — она же из-за тебя поседела раньше времени! Посмотри на себя, ты сейчас ведешь себя как последний эгоистичный придурок!!!

Упоминание о матери было последней каплей и перевесило чашу моего терпения (она в отличие от отца всегда принимала и любила меня таким какой я есть и это было взаимно). Я понимал, что отец в чем-то прав: мама, наверное, действительно переживала и волновалась за меня. Особенно когда узнала про бокс. Я постарался отмахнуться от угрызений совести, маме я смогу все объяснить, она меня поймет. А вот отцу никто не давал права использовать мое к ней доброе отношение и пытаться надавить на мою совесть, чтобы я опять подчинился его воле и отказался от того, что мне нравится. Ну почему он никогда меня не понимает?! Неужели так сложно попробовать хоть раз встать на мою сторону? За всю мою жизнь он даже ни разу не попытался. Никогда, ни единого раза!! Всегда только одни упреки, нравоучения и снова упреки!

Гнев и обида затопили меня полностью. Я понял, что еще чуть-чуть и остатки самообладания покинут меня, после чего я наору на отца матом и рассорюсь с ним очень надолго (если не навсегда). Поэтому, чтобы не наговорить лишнего, я просто отключил наш разговор и заблокировал его номер. Тут я на экране увидел сколько времени и понял, что из-за этого хренового воспитателя безнадежно опаздываю. По крайней мере позавтракать уже точно не успеваю. Но, Слава Богу, хотя бы головная боль чуть поутихла. Наплевав на умывание и кое-как пригладив свои черные встрепанные волосы, я выскочил за дверь и легкой трусцой направился в сторону ближайшего метро.

Холодный порыв ветра заставил меня вздрогнуть и отвлек от воспоминаний. Оказывается, я совсем продрог пока стоял и успокаивался на сыром ветру. Начинался морозящий дождик, промокнуть под которым мне совсем не улыбалось. Возвращаться же в здание академии хотелось еще меньше, так что я потихоньку побрел к знакомому интернет-кафе. Там как мне помнилось, в затемнённом уголке был удобный диванчик, подходящий для моих невеселых размышлений.

Кафе было всего в пяти минутах ходьбы от универа. Диванчик, к счастью, был свободен, так что ничто не помешало мне вернуться к воспоминаниям этого крайне неудачного дня.

Мне повезло, что препод по финансовому контролю и аудиту задержалась (читай: тоже опоздала) на десять минут, иначе бы всю первую пару пришлось слоняться неизвестно где и в гордом одиночестве. А так я успел вбежать в аудиторию прямо перед ее носом. Рискованно, конечно, но придраться не к чему.

Дальше потянулся невероятно скучный и длинный день. Учеба давалась мне легко, если мне было интересно. Мне даже записывать ничего не приходилось, все само собой запоминалось. Но то, что нам преподавали, интересным назвать было никак нельзя. Приходилось усилием воли заставлять себя слушать, кое-как карябая в блочной тетради какие-то цифры и даты (интересно, как я буду разбираться в этих каракулях перед зачетом?). Ай,

ладно, не буду больше зря бумагу марать, возьму у кого-нибудь потом более-менее связные лекции и отксерю. Все же так делают, а я чем хуже?

Под конец этого длиннющего дня я мечтал только о том, чтобы побыстрее свалить из универа и выспаться как следует. Но не тут-то было: бессменной старосте нашей группы приспичило именно сейчас выяснить кто же из нас будет играть в КВН! И ладно бы она выбрала мишенью для своей агитации кого-нибудь другого, так нет же! Ей вздумалось прицепиться именно ко мне и непременно сейчас, когда я был голодный, злой и не выспавшийся!

— Адам, — уговаривала она — а давай ты будешь капитаном команды? Уверенна, у тебя точно получится.

— Нет, Лен, — попытался я отбрыкаться — у меня совсем нет на это времени. Я и в академию-то еле успеваю ходить, а ты еще хочешь, чтобы я на дурацкий КВН время тратил.

— И вовсе он не дурацкий! — сделала вид, что обиделась Нестерова — Я, конечно, все понимаю. Студенты — народ веселый: пьянки, гулянки и все такое. Но мне кажется, ты мог бы выкроить из своего графика чуток свободного времени. Команде нужен капитан, Адам. И по-моему ты идеально подходишь на эту роль. Так я тебя запишу, да?

— Нет! — ответил я с трудом сдерживая раздражение — я же сказал, мне это не интересно. И прекрати меня уговаривать, только бесполезно тратишь наше время. Уговори лучше Никиту. Чем не капитан?

— Ник уже задействован в другом проекте. Слышал что-нибудь о Всероссийской конференции бухгалтеров и аудиторов? Он там будет выступать с докладом от имени студентов нашей академии. Конференция будет проходить в тот же день, что и наш КВН. Не может же он быть в двух местах одновременно! Ну пожалуйста, соглашайся, если бы можно было его сделать капитаном, я бы тебя не просила.

— Извини, Лен, но я не могу. Найди кого-нибудь другого. И давай закроем эту тему.

Нестерова явно не рассчитывала, что я так долго буду сопротивляться ее уговорам и зло сощурила глаза:

— Ладно, не хочешь по-хорошему, значит будем по-плохому. У тебя на прошлой неделе почти сплошные прогулы. Я готова закрыть на них глаза и ничего не сообщать в деканат, если ты согласишься. Идет?

И вот тут — то меня понесло, раздражение копившиеся с самого утра прорвалось через баррикаду моего хлипкого самообладания и вылилось на старосту:

— Как можно быть такой тупой коровой?! Я же уже сказал, что мне нафиг не нужен этот КВН, у меня своих дел предостаточно! Я что непонятно говорю или у тебя что-то с ушами? И причем здесь мои прогулы? Только попробуй заявить об этом в деканат — это же надо до чего додумалась! Что, давно по башке совей дурной не получала?

Вот теперь Нестерова разозлилась уже всерьез и начала орать на меня в ответ. Не могу точно вспомнить, что она мне сказала, зато отлично помню, что обозвала придурком. Это меня окончательно взбесило. Конечно, Ленке неоткуда было знать, что после утреннего разговора с отцом у меня на это слова аллергия, но это ее не оправдывает. Нечего было мне угрожать, отстала бы раньше — ничего бы не случилось. А так я просто выпал из реальности и перестал соображать, что делаю. Все мои близкие друзья и родственники знают как опасно доводить меня до таких приступов бесконтрольной ярости. Даже моя мама не рискует связываться со мной, когда я в таком состоянии: она просто благоразумно замолкает и терпеливо ждет, когда я сам успокоюсь. Но у Нестеровой не хватило ума промолчать, что еще больше усугубило ситуацию. Страшно представить чем все это могло закончиться, если бы меня вовремя не остановили — наверное, раздробил бы Ленке кости на обеих руках. О том, что было бы потом даже задумываться не хотелось.

Вместо этого я попытался вспомнить, что было дальше. Вспомнилось, что меня кто-то позвал. В тот момент я почти ничего не видел из-за красного тумана ярости, заслонившего

мне обзор, просто рефлекторно развернулся на звук своего имени и тут же наткнулся на прозрачно-спокойный взгляд синих глаз. В них не было ни страха, ни осуждения — только спокойная сосредоточенность. Для моего воспалённого мозга это был как ушат холодной воды — как раз то, что нужно, чтобы красный туман, заполонивший мой мозг слегка рассеялся. И только потом я разглядел обладательницу синих глаз. Вот это был действительно сюрприз! Вот уж никогда не подумал, что наша серая мышка Оля Соколова обладает такой смелостью. Или это была не смелость, а глупость? Ведь должна же она была понимать чем рискует, когда отвлекла меня от Нестеровой, или нет? Кажется она что-то сказала, вспомнить бы еще что именно. Хорошо запомнилась только интонация: тихое спокойствие, даже доброжелательность и ни капли осуждения. Вот это самообладание! Вот у кого стоило бы поучиться.

Но все-таки, что же она сказала? Кажется что-то про то, что я «перегнул палку». Тут она была абсолютно права, в чем я через секунду убедился, оглядев аудиторию: Нестерова ревела, остальные застыли с испуганными, потрясенными и осуждающими лицами, не решаясь даже пошевелиться не то, что попробовать заговорить со мной — словно я какой-то дикий зверь, готовый наброситься на них в любую секунду. Наверное, так и было: моя ярость превратила меня в зверя. Гнев на себя, на свою неспособность его контролировать затопил меня с новой силой. Единственным островком спокойствия в этом хаосе оставалась Соколова и я уцепился за ее взгляд как за спасательный круг. Как ни странно, она не подвела: не отодвинулась, не отвернулась, а продолжала спокойно смотреть, а потом сказала:

— Сейчас тебе лучше уйти — и опять Оля оказалась права. В таком состоянии, как у меня в тот момент, действительно лучше быть одному, чем окруженному толпой народа. Я решил последовать ее совету незамедлительно и быстро покинул аудиторию пока опять не наломал дров.

Да, дела... И что ж мне теперь делать? Допустим, мне удастся вымолить у Нестеровой прощение и в этот раз все закончится хорошо, но где гарантии, что это никогда не повторится снова? Не будет же Соколова вечно спасать меня (а заодно и всех окружающих) от приступов моей бесконтрольной ярости! Погоди-ка... А может это и есть выход? Может стоит попробовать ее уговорить присматривать за мной и вмешиваться в мои скандалы пока меня совсем не занесло?... А что, было бы здорово! И мне, и окружающим стало бы жить намного проще. Вот только как ее уговорить? Я ведь о ней практически ничего не знаю (подозреваю, что и остальные знают не больше меня). На нее обычно обращают внимание, когда надо узнать расписание, отскерокопировать лекции или списать задание! В остальном она словно невидимка. Как же так вышло: вроде учился с человеком два года, видел почти каждый день, а заметил только сейчас? Я даже не знал, что у нее глаза синего цвета (красивые глаза, между прочим)! Надо будет за ней понаблюдать. Присмотрюсь повнимательнее, может и узнаю что-нибудь интересное.

Дальше сидеть в кафе не имело смысла. Тем более, что найдя оптимальное решение проблемы, мозг переключился на насущные потребности и зверски захотелось есть. Так что я покинул гостеприимный диванчик и отправился прочь из кафе на поиски чего-нибудь съедобного.

Понедельник, 13 октября 2003 г.

Ольга

Я нервно поежилась и через плечо посмотрела на Адама. Ну да, так и есть, он опять на меня смотрит... А вот теперь отвернулся. Ощущение настойчивого изучающего взгляда

в спину сразу исчезло. И что ему от меня надо? Вот и делай после этого добрые дела — и зачем я только полезла спасать Нестерову? А главное совершенно не ясно чего от него дальше ожидать: может хочет поквитаться за то, что я вмешалась в его личные отношения со старостой? Вот так вот, дорогая, так тебе и надо — нечего было высовываться. Чтобы я еще раз когда-нибудь влезла в чужие разборки — да ни за что! Уж лучше прослыть трусливой и бесхарактерной, чем теперь сидеть как на иголках.

Ах, ну вот опять! Сколько можно на меня пялиться?! Я снова обернулась через плечо и сразу же наткнулась на внимательный и изучающий взгляд Адама. Я вопросительно вскинула брови, мол «чего надо?», а он лишь покачал головой, мол «ничего», и опять отвернулся.

Повышенное внимание Идолбаева к моей скромной персоне я заметила на следующий же день после инцидента с Нестеровой. Утро ознаменовалось тем, что Адам прилюдно извинился перед Леной и готов был пойти почти на все, чтобы загладить свою вину. Я все наблюдала со своего места, распложенного поблизости от знаменательного события, так что прекрасно все видела и слышала.

Дело было так. Едва войдя в аудиторию и отыскав ее глазами, он сразу направился к ее парте. Лена выдавала стипендию и, разумеется, в этот момент была окружена толпой студентов, мечтающих поскорее получить свои денежки. Окружающие ее одноклассники Идолбаева заметили, замерли, не зная как лучше поступить: то ли сплотиться вокруг старосты и стать ее живым забором, то ли спасаться самим и поскорее уносить ноги от ее парты. Победило нечто среднее: кто-то отошел, кто-то остался. Лена заметила необычные передвижения народа (не к ней, а наоборот, от нее во время выдачи стипендии — это совершенно не характерное движение для нормального студента) и, почувствовав неладное, подняла глаза. Тут как раз Адам и подошел. Староста сразу побледнела, уткнулась лицом в свою ведомость и спросила дрожащим голосом:

— Что тебе надо, Идолбаев? Если стипендию, то сейчас дам. И больше ко мне не подходи, пожалуйста.

Адам неожиданно присел на корточки и тем самым вынудил Нестерову посмотреть на него:

— Вообще-то я пришел мириться. Слушай, прости меня за вчерашнее, я был не прав. Дай-ка я твои руки посмотрю — он осторожно потянулся к ее запястьям, но Лена в ужасе отдернула свои руки и спрятала их за спину.

— Не трогай меня! — взвизгнула она и в ее голосе я услышала панические нотки.

— Да не бойся ты, я ничего тебе не сделаю — с досадой отозвался Идолбаев — я только посмотреть хочу насколько повреждения серьезные — затем добавил очень виноватым тоном:

— Извини, что я тебя так напугал. Ты права, я вел себя как придурок. Но сейчас я абсолютно безопасен и готов загладить свою вину. Хочешь, я буду капитаном команды КВН как ты и хотела вначале?

— Э-э-э, нет, спасибо — отозвалась староста не делая никаких попыток извлечь руки из надежного убежища за спиной — мы уже выбрали капитаном Мишу Ершова, так что как-нибудь без тебя обойдемся, правда же Миша? — тот согласно кивнул.

Помолчали. Адам все также сидел на корточках и явно не собирался уходить, Лена заметно занервничала:

— Слушай, Идолбаев, ты уже извинился, я тебя выслушала. Так может теперь пойдешь дальше своей дорогой, а?

— Не волнуйся, я обязательно уйду, но сначала посмотрю на твои руки. Всего лишь 2 секунды и меня нет, обещаю — вкрадчиво произнес Адам. При этом он выглядел настолько безобидно, что староста слегка расслабилась и приободрилась:

— Я, конечно, могу показать, но что мне за это будет? Я же не бесплатный зоопарк. И сразу предупреждаю — зрелище не из приятных.

— Ничего, я и не такое видывал, не переживай, в обморок не грохнусь. — усмехнулся Адам — а по поводу бесплатного зоопарка: хочешь, забери мою стипендию себе, так сказать в качестве компенсации за моральный ущерб. Согласна?

У Нестеровой заблестели глаза — такого подарка от бешеного психа Идолбаева она явно не ожидала:

— Ладно, уговорил. Распишись вот здесь, а потом я покажу руки.

Адам без препирательств встал и поскорее нацарапал свою подпись. Видно было, что ему совершенно наплевать на стипендию и интересуется его совсем другое. Лена тем временем подтянула повыше рукава своей песочной водолазки. Зрелище действительно не вызывало ничего кроме отвращения: коричнево-желтые следы от пальцев маньяка перечеркивались кое-где почерневшей сеточкой венозных сосудов. Адам впился взглядом в эти следы, осмотрел со всех сторон, стараясь не прикасаться и в конце концов вынес свой вердикт:

— Не так уж страшно. Могло быть и хуже. Эти пятна через неделю-другую сойдут, следов не останется. Так что через месяц ты даже и не вспомнишь, что у тебя такое было.

— Сомневаюсь — сухо ответила Лена — Ну, ты посмотрелся? Можно мне теперь остальным выдать стипендию?

— Разумеется. Уже все. Видишь, ничего страшного. А теперь я пойду своей дорогой, как и обещал — и он примирительно улыбнулся и действительно направился к той парте, где обычно сидел (в дальнем конце аудитории, на галерке).

Видно было, что наш буйно помешанный успокоился и заметно повеселел. И тут это случилось в первый раз: я продолжала бездумно наблюдать за его передвижением, а он вдруг обернулся и посмотрел мне прямо в глаза. Это был такой пронизывающий и внимательный взгляд, что мне стало как-то не по себе. Я поскорее опустила глаза вниз, чтобы он не успел заметить мое смущение и растерянность, делая вид, что разглядываю свое кольцо на руке (но продолжая наблюдать за ним краем глаза). Однако, по-моему это не помогло, он все равно заметил и улыбнулся.

С тех пор это и началось. Чтобы я не делала (писала лекцию, слушала преподавателей, читала, выходила в коридор), всюду либо натыкалась на его взгляд, либо чувствовала как он буравит мне спину. Это начало меня порядком раздражать еще в пятницу, а сейчас, в понедельник, уже откровенно нервировало и бесило! Ну сколько можно играть в эти глупые гляделки? Пойти самой что ли спросить, что ему от меня понадобилось?... Нет, как-то боязно, пожалуй пока подожду. Вот когда достанет так, что бояться перестану — тогда и подойду.

Адам

Я решил поговорить с Соколовой на большой перемене (в нашей академии она наступала сразу после третьей пары и длилась 20 минут). Надеюсь, ее уговорить окажется так же просто как Нестерову. Глупая Ленка согласилась на мою мизерную стипендию, хотя могла вытрясти из меня за эти синяки гораздо больше. Но она упустила свой шанс. Так что мне очень повезло, легко отделался.

Хотя с Соколовой, боюсь, этот номер не пройдет. За два последних дня (не считая выходного) я наблюдал за ней все свободное время, то есть практически постоянно пока находился в академии. Однако узнал о ней на удивление мало информации. Итак, что же в итоге получилось:

1. Оля очень тихая и застенчивая, не любит быть в центре внимания — но это я и так уже знал;

2. Она любит читать и постоянно это делает на переменах, если не занята чем-то более важным — наверно это признак ума, не замечал, чтобы кто-то из наших девчонок на переменах читал, все больше болтают и сплетничают;

3. Одинаково ровно ко всем относится, со всеми дружелюбна, но похоже у нее нет близких подруг — во всяком случае за два дня я ни разу не заметил, чтобы она общалась с кем-нибудь из девчонок не так, как с остальными. Да и вообще она как будто сама по себе, отделена от окружающих невидимой стеной и, кажется, такое положение ее вполне устраивает;

4. Очень наблюдательна, мне показалось, что она слышит и замечает все, что твориться в аудитории, но как бы со стороны, не вмешиваясь в события;

5. Не болтлива, в разговорах предпочитает слушать и помалкивать. Обычно что-то говорит только если ее спросят, при этом мне показалось, что если она что-то говорит, то собеседники с большим уважением ее выслушивают;

6. Учеба для нее важна — ни разу не заметил, чтобы она пропускала пары или отвлеклась во время лекций, постоянно все записывает (не надеется на свою девичью память?), к тому же умеет делать это в ультраскоростном режиме (в отличие от меня) и как бы быстро преподаватели не диктовали — она все успевает;

7. И последнее, но самое необычное — она каким-то образом чувствует когда на нее смотрят (во всяком случае, мой взгляд она явно ощущает). Почти всегда, когда я начинал на нее смотреть, она оборачивалась, если была не сильно сосредоточена на чем-нибудь другом. И, кажется, мое разглядывание ей не понравилось (поэтому я и сделал первый вывод, что она не любит быть в центре внимания). По-моему, мой внезапный интерес ее здорово обеспокоил. По крайней мере, я заметил, что как только она ловит мой взгляд, то вся напрягается и начинает хмуриться.

Вот и все, что удалось узнать. Из всего этого ясно только одно — навешать ей лапши на уши не удастся, придется быть честным и откровенно все рассказать, так как ложь она сразу распознает и неизвестно как себя поведет.

Наконец-то закончилась статистика, которая стояла сегодня третьей парой и все студенты потянулись из аудитории, так как следующая пара была в другом крыле академии. Оля тоже собрала свои вещи и присоединилась к стайке наших одноклассниц — Лиле Иванцой, Кате Фунтиковой и Яне Соколяцкой. Это было для моего плана не очень хорошо, я-то рассчитывал, что она пойдет одна.

Ну и ладно, значит придется отозвать ее в сторонку. Дождавшись, когда девчонки спустятся по лестнице и дойдут до фойе (где кроме гардероба располагалась студенческая закусочная), я позвал:

— Оля... Соколова, можно тебя на два слова? — подружки удивленно обернулись на мой голос, на Олином лице промелькнуло растерянное выражение, но потом она что-то для себя решила и сказала остальным девушкам:

— Идите, я вас потом догоню.

Но подружки похоже не собирались оставлять нас наедине. По-моему, они решили, что Ольга в опасности. Общее мнение выразила Лиля:

— Оля, ты уверена? Может, мы здесь тебя подождем? — Соколова внимательно взглянула на меня, потом перевала взгляд на своих защитниц:

— Не надо, Лиль, не волнуйся, я думаю это ненадолго — только тогда подружки посчитали свой долг исполненным, развернулись и пошли своей дорогой.

Я решил, что разговаривать посреди коридора — не самая лучшая идея и предложил:

— Давай отойдем к окну — Она молча за мной проследовала и мы присели на невысокий пластиковый подоконник. Я все никак не мог решить с чего же начать разговор, тогда она спросила:

— О чем ты хотел поговорить со мной, Адам?

Тут я, наконец, понял с чего начать и произнес:

— Я просто хотел поблагодарить тебя за то, что остановила меня тогда, когда я поцапался с Нестеровой. Я и сам не рад, что так вышло. Сложно сказать, что было бы если бы ты не вмешалась, я сам себя уже не контролировал и боюсь все могло очень плохо кончиться для всех нас. Так что спасибо.

Видно было, что Оля удивилась и почему-то на ее лице на секунду мелькнуло облегченное выражение, но в слух она сказала только:

— Ну-у, не за что. Рада, что смогла помочь. Это все?

— Нет. Еще я хотел тебя попросить об одной услуге: не могла бы ты и дальше останавливать меня, если увидишь, что меня заносит куда-то не в ту сторону?

Ольга вдруг улыбнулась:

— Забавно. А больше ты ничего не хочешь?

Про себя я подивился такой реакции, но честно ответил:

— Нет, больше ничего. Я и так буду очень тебе обязан, если ты согласишься.

Соколова неожиданно нахмурилась:

— Ты что это серьезно, что ли? Не похоже, что ты шутишь.

— Слушай, Соколова, мне не до шуток! — поморщился я, раздосадованный, что она не принимает меня всерьез — ты можешь мне не верить, но от своей несдержанности я тоже пострадал немало. Если бы ты знала, как мне надоело извиняться и просить прощения всякий раз, когда я теряю контроль над собой и своими эмоциями! Но я ничего не могу с собой поделать, в нашем роду все мужчины очень эмоциональны и учатся справляться с приступами ярости и гнева только к зрелому возрасту, то есть после 30 лет. А некоторые, как мой отец например, и до сих пор не смогли научиться. Так что я не виноват, это заложено генетически. Я, конечно, буду стараться обрести над собой контроль, но когда я реально этому научусь неизвестно и до тех пор мне нужен человек, который тормозил бы меня извне. Пожалуйста, не отказывай мне в этой просьбе, ладно?

Оля по-прежнему хмурилась, не похоже было, что моя маленькая речь произвела на нее впечатление:

— Адам — серьезно сказала она — Пожалуйста, не обижайся на то, что я сейчас скажу, но я не могу согласиться на твое предложение. Я не предполагала, что у тебя все так серьезно. И мне жаль, что тебе так трудно. Но мне не понятно, чем я могу тебе помочь. Посмотри на меня внимательно. По-твоему я похожа на суперменшу? Я — тихая, скромная девушка, мне не по силам то, о чем ты просишь. И почему я? Может попросишь кого-нибудь другого? Например, Лилю — она любит отстаивать справедливость и по-моему может стать для тебя отличным тормозом.

— Нет, Лилия мне не подходит. Когда я напал на Нестерова, Лилия сидела совсем недалеко от нас, но даже не попробовала вмешаться, потому что не хватило смелости. Наверно слишком сильно меня испугалась. Не подумай, что я ее виню. Мне рассказывали, что в гневе я бываю очень страшен. Знаешь, за всю мою жизнь еще никому не удавалось справиться со мной и притушить мою ярость, когда я перестаю себя контролировать. Это удалось только тебе — попытался подольститься я — ты — единственная, у кого получилось меня успокоить и при этом остаться невредимой. Поэтому мне подходишь только ты. Уверен, у тебя получится.

Ольга помотала головой, явно не согласная со мной:

— Послушай, ты сильно переоцениваешь меня и мою смелость. Да, в тот раз получилось, но это случайность. Нет никаких гарантий, что и в следующий раз получится. Моего спокойствия может и не хватить на нас обоих.

«Да» — констатировал я про себя — «похоже, лесья тоже не сработала». Ладно, раз пряник не помог, попробуем кнут:

— Соколова, ты хоть понимаешь, что если ты откажешься, то у меня будут развязаны руки. Я знаю, что могу натворить много бед, может пострадать много людей. Я не хочу этого, но все может случиться. И это будет на твоей совести, потому что ты не захотела немножко помочь. Понимаешь? — грозно спросил я.

Девушка задумалась, и я про себя обрадовался, что нашел ее слабое место. Но не тут-то было:

— Нет, здесь ты не прав. Во-первых, ты должен все-таки сам предвидеть последствия своих действий и вовремя себя останавливать. Во-вторых, если люди не хотят пострадать от твоей несдержанности, то и не надо тебя провоцировать и злить, иначе будут сами виноваты. И в-третьих, спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Я не могу спасти всех и каждого, меня на всех не хватит. И, пожалуйста, не надо давить на мою совесть и чувство ответственности — это не сработает. Думаешь, я не понимаю, как опасно находится рядом с тобой в этот момент? Когда ты в такой ярости и она требует выхода, ей все равно куда выплескиваться — на того, кто тебя разозлил или на окружающих, позволивших себе вмешаться. То, что ты просишь — для меня не безопасно, ты не можешь этого не понимать. Почему я должна так рисковать? Ради чего?

«Ага, вот мы и добрались до цены вопроса» — подумал я — «ну что ж, попробуем тебя подкупить»:

— Слушай, Оль, ну неужели тебе так сложно мне помочь? Я могу заплатить, если хочешь. Так что рисковать бесплатно не придется. Скажи, сколько будет стоить твое согласие, уверен — мы договоримся. Да и потом все не так уж страшно. Я не буду требовать от тебя невозможного. Вовсе необязательно ждать пока у меня снесет крышу от бешенства, ты ведь можешь и раньше подойти, пока я еще вменяемый. Намекни, что я чересчур агрессивен себя веду и я постараюсь успокоиться. Не так уж тяжело, правда? И ведь не бесплатно же!

Так, кажется, я ляпнул что-то не то. Еще в самом начале моего предложения об оплате глаза у Соколовой сузились, и лицо стало каким-то недовольным. А под конец она похоже даже разозлилась, встала с подоконника и отчеканила:

— Адам, все, хватит, я устала от этого разговора. Если ты еще до сих пор не понял, скажу прямо: бесполезно меня уговаривать. Я не буду в этом участвовать, тем более за деньги. Я не продаюсь, понятно? И давай на этом закончим разговор. Мне пора идти, перемена уже заканчивается, так что извини — девушка отвернулась.

«До чего же она упрямая!» — молнией пронеслось в моем мозгу — «Я перепробовал все что только можно: и лесья, и подкуп, и угрозы — все бесполезно, незыблемая как скала. И что такого я в конце концов сказал? Чего она так разозлилась? Обиделась, что деньги предложил?»

Тут я осознал, что она и вправду сейчас уйдет и никакие мои уговоры не подействуют. Но я не мог просто так ее отпустить. За время этой беседы мне стало абсолютно ясно, что она подходит на роль моего тормоза даже лучше, чем я предполагал. Мне так хотелось, чтобы она согласилась! И тогда я сделал то, чего раньше никогда не делал — принялся умолять:

— Оль, пожалуйста, прошу, помоги мне. Я знаю, что многого прошу. Но поверь, мне правда очень нужна твоя помощь. Не хочешь помогать за деньги, так помоги просто так, по-дружески.

Она обернулась и скептически изогнула бровь:

— По-дружески? А разве мы друзья?

— Пока нет — честно ответил я и добавил- но могли бы ими стать, если ты захочешь — честно говоря, я уже ни на что не надеялся и сказал это от отчаянья. Уж если она считает меня настолько опасным, что отказалась мне помогать, то вряд ли захочет со мной дружить.

К моему удивлению, лицо Соколовой вдруг приняло задумчивое и отрешенное выражение. Она помолчала минуту что-то напряженно обдумывая, а потом медленно произнесла:

— Скажи, правильно ли я тебя поняла: ты предлагаешь свою дружбу в обмен на мою помощь?

От такого откровенного вопроса мне стало как-то неловко, но я ответил так же откровенно:

— Да, так и есть. Если ты захочешь.

— Хорошо — серьезно сказала она глядя мне в глаза — Я помогу тебе.

Ее капитуляция стала для меня такой неожиданностью, что мне показалось я ослышался. Непроизвольно вырвалось:

— Поможешь? Правда?!

— Да. Хотя меня не оставляет чувство, что я еще об этом пожалею.

— Почему? — с любопытством спросил я, внутренне ликуя от ее согласия и пытаюсь сдерживать глупую улыбку, произвольно расплывающуюся по лицу.

— Не знаю почему — вздохнула Оля — просто предчувствие, наверное, интуиция. Ты идешь на английский или как? — сменила она тему.

— Иду, иду, куда же я денусь. — откликнулся я.

Английский язык, который сегодня стоял двумя последними парами в нашем расписании в этот момент интересовал меня меньше всего. Я внимательно разглядывал Соколову. Мы вместе пошли через фойе в другое крыло здания, где располагалась нужная нам аудитория. А я думал о том какая же все-таки странная девушка идет рядом со мной. Она не была похожа ни на одну из моих знакомых. Она думала и говорила совсем не так как другие. Я никак не мог предугадать, что она скажет или как поступит в следующий момент. Не понимал как устроено ее мышление, а так хотелось! Соколова как будто была сложной головоломкой, которую мне непременно было надо разгадать. Вот кто мне сможет объяснить: почему она вдруг передумала и согласилась мне помогать? А какой характер! С виду тихая и спокойная, мягкая и податливая, кажется, что из нее можно вылепить что угодно, как из пластилина. Ага, как же! На деле оказалось внутри она — камень: да я чуть наизнанку перед ней не вывернулся пытаюсь заставить ее согласиться делать то, что она решила не делать! И все равно без толку. Но потом вдруг взяла и согласилась. И неподкупная к тому же — редкое качество в наши дни.

Оля вдруг поежилась. А потом недовольно проворчала, продолжая идти вперед и смотреть прямо перед собой:

— Слушай, Адам, прекрати уже так внимательно меня разглядывать. Я себя чувствую будто под микроскопом. Ты уже третий день так на меня смотришь, что я сама себе кажусь редким насекомым, которое нужно всесторонне изучить и поместить в свою коллекцию! Может, хватит уже, а? Если ты хочешь что-то спросить, так спроси прямо.

Сначала я очень удивился тому, что она так точно определила о чем я думаю, она же на меня не смотрела! Сравнение с насекомым меня рассмешило. И только потом до меня дошел смысл всего высказывания. Значит, предлагаешь спросить прямо — отлично — я буду круглым идиотом, если откажусь:

— Оля, почему ты передумала? Я же видел, ты ни в какую не соглашалась мне помогать. А потом вдруг раз — и согласилась. Почему?

Она немного помолчала, потом ответила:

— Хочу провести эксперимент. Я раньше не дружила с такими личностями как ты, мне любопытно что из всего этого получится. Пока не попробуешь — не узнаешь, вот я и согласилась попробовать.

— Значит, только из любопытства? — разочарованно уточнил я. Мы как раз подошли к двери аудитории, но заходить не стали, предпочитая разговаривать в коридоре без лишних ушей. Ольга взглянула на меня, а потом вдруг засмушалась и, стараясь на меня не смотреть, произнесла:

— Нет, не только. Мне понравилось твоё стремление обрести контроль над собой. Я готова поддержать тебя в этом. Видишь ли, у меня очень мало друзей, поэтому тех, которые есть, я ценю и многое готова для них сделать. Для меня друзья — это люди, которые тебя всегда поддерживают и принимают таким какой ты есть, ничего не требуя взамен. Так что если ты теперь мой друг, то я могу тебе помочь и помогу. Буду помогать и поддерживать столько, сколько понадобится, до тех пор пока в моей помощи больше не будет необходимости. Даже если мои предчувствия окажутся верны и потом я об этом пожалею. Но и ты ради меня должен будешь готов сделать тоже самое. Если мне когда-нибудь понадобится помощь, поддержка, дружеская забота или участие, ты сделаешь все возможное и невозможное чтобы мне их оказать. И я на это рассчитываю, ведь теперь ты мой друг. Вот поэтому я согласилась. Теперь тебе все ясно, Адам? — девушка искоса взглянула на меня, проверяя мою реакцию на ее слова.

Сказать, что я был удивлен — это значит ничего не сказать. Этот ее ответ поразил меня своей предельной честностью и искренностью. Так странно: у меня как будто потеплело в груди, а на душе стало удивительно приятно. Это стало для меня полной неожиданностью, и ошарашило меня настолько, что я даже не знал, что сказать. А Ольга ждала ответа.

Пока я пытался разобраться со своими ощущениями, она видимо, решила, что быть ее другом мне не по зубам, потому что сказала:

— Так, кажется, ты не согласен с моими словами. Может у нас разное понятие дружбы и то, что я сказала, тебе не по душе? Если так, то еще не поздно все отмотать назад и вернуться на прежние позиции. Надо же как я сглупила — досадливо поморщилась она — надо было сразу этот момент обговорить...

— Нет — прервал я ее, наконец, совладав с эмоциями — все правильно. Ничего назад отматывать не надо. Понятие дружбы у нас совпадает.

Мне вдруг захотелось сказать ей что-нибудь очень приятное:

— Я обещаю тебе, Оля, что стану тебе именно таким другом как ты сказала. И я очень постараюсь, чтобы ты никогда не пожалела о своем решении мне помогать. Даю слово.

Ольгины глаза удивленно расширились, но она ничего не ответила. Лишь смущенно улыбнулась и, застенчиво кивнув в знак согласия, вошла в кабинет. А я остался стоять в проходе, пытаясь переварить наш разговор и понять, что именно сейчас произошло. Ничего путевого в голову не приходило, мозги не прояснились. Внезапно подумалось: «А она красивая, когда улыбается. Все лицо как-то освещается изнутри. И фигура вроде ничего. Только она не пытается, как другие девчонки подчеркивать ее одеждой, вот и незаметно сразу. И почему я считал ее серой мышкой? Неужели только лишь потому, что она не старается привлечь к себе внимание как другие и скромно читает в уголке? Где были мои глаза все это время?! В ней нет ничего серого и обычного, сплошной нестандарт. Хм, думаю дружить с ней будет одно удовольствие, во всяком случае, не скучно — это точно. И подумать только, за этот подарок я должен благодарить Нестерову. Если бы мы тогда не поругались, она бы не вмешалась, и я бы и дальше все оставшиеся три года учебы продолжать смотреть мимо Соколовой, не подозревая о том какая она на самом деле... Вот уж точно, все что происходит — к лучшему».

От размышлений отвлек недовольный голос преподавательницы по английскому:

— Идолбаев, ты что так и будешь топтаться в проходе или все-таки войдешь? — оказывается я так задумался, что даже не заметил, как она подошла к аудитории. Пришлось сделать над собой усилие и вернуться к реальности. Ладно, у меня еще будет время все обдумать потом, в спокойной обстановке, а сейчас лучше сосредоточится на предмете — Нину Павловну лучше не злить, с ней шутки плохи: так будет заваливать на зачете, что пересдавать замучаешься.

Пятница, 17 октября 2003 г.

Ольга

Сегодня был сложный день — предстоял зачет по бухгалтерскому анализу и контрольная по российским стандартам аудита. У нас было «окно» — свободная пара между двумя другими. Я сидела в читальном зале и пыталась повторить лекции по обоим предметам. Но мне никак не удавалось сосредоточиться на учебе. Мысленно я все время возвращалась к понедельнику и разговору с Идолбаевым.

Последние три дня Адам в академии не появлялся, и я, честно говоря, вздохнула с облегчением — понятия не имею как теперь себя с ним вести. За это время я смогла все обдумать и трезво взглянуть на ситуацию. Не понятно было, почему он вдруг решил, что у меня хватит сил его останавливать во время приступов бешенства, особенно если (как он сам сказал!) до этого никто с ним справиться не смог. Сама я в себе таких суперспособностей не ощущала. Да у меня до сих пор внутри холодеет при воспоминании об инциденте со старостой — так я перенервничала. Это же чистой воды авантюра! Как я позволила себя в это втянуть, ума не приложу. Ведь сама, добровольно согласилась служить буфером между ним и бедными жертвами его необузданного гнева! Интересно, где были мои мозги в этот момент? Взяли выходной или совсем уволились?! Я всю жизнь старалась избегать конфликтных ситуаций, а тут сама на это подписалась. И ведь теперь не откажешься, уже пообещала помогать. А свои обещания я привыкла выполнять и не собиралась менять свои привычки.

Да еще этот дружеский договор... Я же до этого злополучного разговора не собиралась с ним дружить, а тут так запросто на дружбу согласилась, как будто всю жизнь только об этом и мечтала, да еще и объяснила как именно со мной дружить надо! И ведь никто меня за язык не тянул, что на меня нашло? Чует мое сердце, теперь при всем желании так просто отвязаться от него мне не удастся. Интересно все-таки, что он такое со мной сделал, загипнотизировал что ли? Я попыталась еще раз вспомнить о чем мы говорили.

Так. Сначала он выразил мне свою благодарность за прошлое вмешательство (подмазался, значит, чтобы усыпить мою бдительность). А я, дуреха, и расслабилась сразу: мстить и ругаться со мной не собирается — вот и ладушки. Он наверно, на это и рассчитывал. Потом он заговорил об этом дурацком предложении стать тормозом его ярости. Мне никогда такое и в голову не могло прийти, вот и приняла все за шутку. А он разволновался и вдруг разоткровенничался, про семью свою рассказал, про то как трудно ему, бедному, справиться с дурной наследственностью. Ну, здесь он хоть не врал, это я бы заметила и дальше даже слушать бы не стала. Зачем он так мне доверился? Пытался вызвать во мне сочувствие и надавить на жалость? И ведь почти получилось! Если бы инстинкт самосохранения вовремя не проснулся, сразу бы и согласилась. А так остатки здравого смысла еще удерживали меня от этого опрометчивого шага. Но Адам и не думал сдаваться: он как будто не слышал моего «нет» и продолжал настаивать на своем. Вот ведь угораздило же нарваться на такого упряма!

А я еще к тому же боялась рассердить его своим отказом: после всего, что он рассказал о себе — Идолбаев мог воспринять это как настоящее оскорбление. На месте Нестеровой оказаться мне совсем не хотелось, поэтому я так старалась смягчить свой отказ хоть какими-то аргументами. Но это не помогало. С такой настойчивостью мне раньше не приходилось сталкиваться: он и уговаривать меня пробовал, и пытался воззвать к моей совести, и даже подкупом не побрезговал. Вот последнее было явно лишним: это так некрасиво прозвучало, так унижительно — что я сразу излечилась от сочувствия, вызванного его откровенностью. Это был самый подходящий момент, чтобы уйти. Какая жалость, что я не успела им воспользоваться...

Видимо тут и была моя ошибка — надо было скорее уносить ноги, а не развешивать уши! Он вдруг принялся так отчаянно меня упрашивать, словно от этого зависела его жизнь. Это прозвучало так контрастно после издевательского предложения об оплате, что я не смогла проигнорировать этот крик души. Какая же я все-таки мягкотелая! Другая бы на моем месте сказала бы: «Идолбаев, это все твои проблемы, а не мои. Так что разбирайся с ними сам». Жаль, что я так не могу — слишком уж добрая и отзывчивая. (Я, между прочим, заметила, что в нашей жизни эти качества скорее мешают, чем помогают).

И под конец он меня совсем уж удивил своим предложением о дружбе. Адам сказал это с такой робкой, но искренней интонацией, что у меня язык не повернулся ему отказать. К тому же, как ни странно, в тот момент мысль о дружбе с ними вовсе не вызвала во мне отторжения. Наоборот, со мной произошло что-то странное, я как будто раздвоилась: одна часть меня уверенно сказала «Да, это будет здорово», а вторая отчаянно кричала «Нет, ты еще об этом пожалеешь». Этот невозможный человек окончательно лишил меня равновесия! Я совсем запуталась и не знала, что выбрать. Вот тогда я и задала Адаму контрольный вопрос:

— Правильно ли я поняла, что ты предлагаешь свою дружбу в обмен на мою помощь? — Я надеялась с помощью его ответа определить какой из моих частей верить. При этом совершенно не важно было что он отвечает и какими словами, гораздо важнее была интонация ответа, его искренность и то, какую реакцию это вызовет во мне. И что ему стоило соврать или подольститься ко мне? Я бы тогда сейчас не мучилась. Так нет же! Он так уверенно и честно ответил «да», что я вдруг поняла: сам он действительно сильно хочет со мной дружить, но сомневается, что мне самой этого захочется. Он не пытался на меня давить как в начале разговора, видно было, что это была последняя попытка со мной договориться: любой мой ответ он бы принял и больше не стал бы его оспаривать. Вся его напористая настойчивость куда-то подевалась, остались только усталость, смирение и печаль. Это все решило. Часть меня, которая хотела дружить, перевесила ту часть, что сомневалась. Но почему это произошло?! Уже четвертый день я над этим думаю и никак не могу найти ответа на этот вопрос.

И почему в тот момент мне показалось, что Адам хочет со мной подружиться просто так, а не из корыстных соображений в виде моей помощи? Ведь и мой вопрос и его ответ предполагали совсем другое. Странно все это как-то. На что я ему сдалась? Если посмотреть правде в глаза, мне кажется дружить со мной совсем неинтересно: я не люблю дискотеки и клубы, большие тусовки — мне там становится плохо, так что со мной никуда не пойдешь. Я не умею болтать без умолку и заполнять паузы в разговорах как, например, Лена Нестерова; не могу быть прикольной и шутить как Катя Фунтикова; не позволяю себе флиртовать и выглядеть слабой девушкой как Яна Соколяцкая и еще куча всяких «не». Парням со мной не интересно, это факт. Так что, если все суммировать, может я зря беспокоюсь? Адам скоро поймет, что со мной не о чем разговаривать, ему станет скучно и он сам отстанет. Готова поспорить, что через пару недель (ну максимум через месяц) так и произойдет, просто надо дождаться этого момента. А пока с Идолбаевым надо держать ухо в остро: я раньше как-то не предполагала, что он умеет быть настолько убедительным. И настойчивым. И искренним.

И честным. Думала, что самые главные его качества — это непредсказуемость, неуравновешенность и агрессивность. Я, конечно, ему помогу как смогу, раз уж обещала. Но в остальном постараюсь не подпускать его к себе слишком близко. А то мало ли? Вдруг я и вправду с ним сильно подружусь, а он к тому времени найдет себе занятие поинтереснее?...

«Ой, мама родная, сколько же сейчас времени? Совсем оторвалась от реальности. Ведь так и на контрольную опоздать не долго!» — я посмотрела на часы в мобильнике — «Ну вот, так и знала — 5 минут до начала осталось, а еще нужно успеть добежать до аудитории. И повторить ничего не успела. И все из-за этого Идолбаева с его разговором. Зачем он только обратил на меня внимание? Без него так спокойно жилось. Даже когда его нет, все равно умудряется доставлять мне неприятности» — ныла я про себя, несясь бегом в другое крыло здания.

К счастью, я успела добежать вовремя и влетела в кабинет в самый последний момент.

К несчастью, там я увидела Адама. Он пришел на контрольную (наверное, решил, что ее лучше не прогуливать). Парень тоже меня заметил и улыбнулся. Я кое-как выдавила из себя ответную улыбку и пошла искать незанятое место. Блин, а я-то надеялась, что и сегодня его не увижу. Похоже, надежды не оправдались. Ладно, мне сейчас не до Идолбаева: надо, наконец, сосредоточиться на российских стандартах аудита.

Адам

В последние три дня я не появлялся в академии потому, что свалился с жестокой простудой. Погода была по-осеннему сыкатная и мерзкая, наверное, меня продуло после тренировки. Все тело ломало от температуры, в носу и горле хлюпало, поэтому я решил отлежаться в своей комнате в общаге и не перегружать организм лишними передвижениями (тем более в такую погоду). На третий день мне, вроде, полегчало — температура, во всяком случае, пришла в норму. Рустам сказал, что сегодня будет контрольная и зачет — так что это послужило официальным предлогом навестить в универ. Но был и неофициальный: я хотел увидеть Соколову и посмотреть как она восприняла мое отсутствие.

К полудню я подъехал в академию (как раз к началу контрольной). Зайдя в 102 аудиторию, я первым делом огляделся, но Соколовой там не обнаружил. Учтывая, что до начала пары осталось 5 минут, это было очень странно: еще ни разу не было на моей памяти такого, чтобы она опаздывала или пропускала занятия (или я просто не обращал внимания?). Мне стало как-то неуютно, когда я подумал, не случилось ли с ней чего? Может тоже заболела? Но тут как раз запыхавшаяся Ольга вбежала в аудиторию. Про себя я порадовался, что с ней все в порядке.

Соколова меня заметила, и я приветливо улыбнулся. Но не похоже было, что она мне обрадовалась — во всяком случае, ее ответную кислую улыбку никак нельзя было принять за радостное выражение. А потом она отвернулась и пошла искать себе место, занятая какими-то своими мыслями. Я озадаченно посмотрел ей вслед — не такой встречи я ожидал. Ну ладно, подумал я, может устала — вон какая встрепанная прибежала. Интересно, где она была?

Однако на этом странности не закончились. После контрольной девушка мигом покинула свои вещи в сумку и куда-то умчалась. Зачет по буханализу проходил в другой аудитории и я думал, что найду ее там. Но нет. До конца перемены ее нигде не было видно — появилась в кабинете лишь перед самым началом пары вместе с преподавом. На меня она ни разу не взглянула.

Я заподозрил неладное. Вся эта беготня была так не похожа на ту Соколову, которую я знал. Зачет был последней парой и я планировал поймать девушку на выходе из универа. Но просчитался: Оля сдала зачет раньше меня и не успел я оглянуться, как она ушла. Даже ни разу не обернулась в мою сторону.

Это мне совсем не понравилось. Она что, от меня бежит? Или это у меня паранойя и у нее просто были какие-то дела? Я намеревался это выяснить завтра же с утра пораньше.

Суббота, 18 октября 2003 г.

Ольга

Вчера мне удалось избежать прямого общения с Адамом. Я не была готова с ним разговаривать именно вчера, и поэтому старалась, чтобы мы не пересекались. Однако я спиной все время ощущала его озадаченно-недоуменный взгляд. Я чуть ли ни кожей чувствовала, как он меня мысленно спрашивает: «Эй, Соколова, что с тобой случилось?». Наверное, это и вправду выглядело нелепо. Я понимаю, что веду себя как дура, и вечно так носиться я не смогу. Поэтому сегодня я решила сделать вид, что ничего не случилось и постараться вести себя как обычно. Непоследовательно, конечно, что совсем для меня не характерно. Но что уж теперь поделаешь.

Ага, вот и Идолбаев пожаловал. Еще в дверях парень цепким взглядом охватил всю аудиторию и, увидев меня, не раздумывая направился в мою сторону. «Ну, началось» — подумала я — «так, надо собраться с мыслями».

— Привет — поздоровался он, внимательно меня разглядывая (кто бы знал, как мне надоел этот взгляд!)

— Привет — отозвалась я и слегка улыбнулась — как дела?

— Нормально — улыбнулся он в ответ и заметно повеселел — а у тебя как?

— Тоже ничего — надо же, оказывается не так уж и сложно разговаривать, если фразы стандартные.

Только я успела порадоваться, что зря паниковала столько времени и все окажется до смешного просто, как Адам все испортил:

— Подвинься — велел он мне, кладя свою сумку на стол рядом с моей тетрадью — я сегодня сяду с тобой.

У меня упало сердце: нет, легко не будет. Но я не подала виду, что мне не хочется с ним сидеть, а попыталась отшутиться:

— Зачем? В этом нет необходимости — сегодня же нет ни тестов, ни контрольных, суфлер тебе не нужен. Да и потом, тебе не кажется, что Рустам и Али без тебя заскучают? — сказала я с улыбкой.

— Не заскучают — Адам ухмыльнулся, и я вдруг заметила, какой он обаятельный, когда так улыбается — у Рустама есть Али, а у Али есть Рустам. А у тебя — никого, так что ты можешь заскучать намного быстрее. И по закону справедливости, сегодня я обязан сесть с тобой.

— Да не нужно — попробовала я отвязаться от него еще раз — я привыкла сидеть одна, мне так удобно — кстати, это чистая правда, соседи у меня появляются лишь когда надо что-то списать или подсказать — Ты вовсе не обязан составлять мне компанию.

— Ты права, не обязан — подтвердил он — но мне сегодня хочется сесть здесь. Я считаю, что друзья должны сидеть поближе друг к другу — на то они и друзья, ведь так?

На это мне нечего было возразить. Но и пускать его за свою парту у меня не было никакого желания. Молчание затянулось, и парень спросил, нахмурившись:

— Мы ведь все-еще друзья? Или уже нет?

По-хорошему я должна была ответить «нет», но тогда бы он сразу спросил «почему нет?». На этот вопрос у меня не было внятного ответа. Что я могла ему сказать? «Потому

что ты, Адам, меня нервируешь, сбиваешь с толку и лишаешь душевного равновесия»? Не думаю, что он этот аргумент сочтет достаточным. Поэтому я просто молча подвинулась и уставилась на свою тетрадь по налоговому праву, которую заботливо выложила на стол перед предстоящим семинаром.

Но парень не спешил занять освободившееся место, я опять почувствовала внимательно-изучающий взгляд, а потом он наклонился ко мне поближе, чтобы нас никто не подслушал, и услышала тихий голос:

— Оль, что случилось? Ты передумала со мной дружить? Я что-то никак не пойму: ты мне рада или нет? Ты мне то улыбаешься, то отказываешься отвечать на простой вопрос и смотреть в мою сторону. Это как-то странно, ты не находишь? И что это такое было с тобой вчера? Не думай, что я не заметил твои метания из одной аудитории в другую. Это из-за меня ты так бегала или нет? Только не надо водить меня за нос, Соколова, я этого не потерплю — и в его голосе я услышала нешуточную угрозу — говори прямо: что у тебя на уме!

Блин, вот ведь попала, так попала. Кто же мог предположить, что несдержанный Идолбаев окажется таким проникательным, наблюдательным и настолько умным, что сделает из всего увиденного правильные выводы? Я конечно, сама виновата — веду себя как последняя идиотка. И Адама вполне можно понять — никому не нравится, когда с ним играют в кошки-мышки. Но я же не специально! Просто как-то так само собой выходит. И что теперь ему говорить? Вздохнув, я решила, что лучше всего сказать правду, все равно я врать никогда не умела. И пусть он даже на меня разозлится — зато один раз и больше не придется мучиться.

Нужные слова как-то не приходили в голову, наоборот, она была какая-то пустая или ватой набитая вместо мозгов. Я шестым чувством ощущала, как у парня кончается терпение (слишком уж долго я молчала), и он начинает потихоньку злиться. Это выразилось в том, что меня будто начали покалывать сотни иголок — не очень приятное ощущение. Я еще раз вздохнула:

— Адам, слушай, пожалуйста, не злись на меня. Прости, я понимаю, что веду себя по-дурачки. Я сама себе удивляюсь и не знаю, почему я так себя веду. Мне это совсем не свойственно, поверь. Просто у меня в голове все перепуталось. Все дело в том, что мне сложно в себе разобраться и понять хочу я с тобой дружить или нет — начать было сложнее всего, дальше признания посыпались из меня как из рога изобилия — Я не знаю, как к тебе относиться. Я боюсь тебя злить. Я не знаю, какой ты на самом деле. Не знаю чего от тебя ожидать. Ты меня нервируешь. Я не знаю, хочу ли я дружить с тобой или нет... Так, это, кажется, уже было. В общем, даже не знаю, что еще сказать... Я не хотела тебя обманывать, у меня и в мыслях такого не было, поверь. Просто мне кажется, что из затеи с дружбой ничего не получится. Это не значит, что я отказываюсь от своего обещания помогать тебе справляться с гневом. Вообще-то я стараюсь всегда выполнять свои обещания. И это тоже постараюсь выполнить, хотя оно мне не по зубам. Но в остальном я больше ничего не могу тебе обещать.

Я замолчала, не представляя, что еще можно добавить к тому, что сказано — и так наболтала выше крыши. На Идолбаева я не смотрела — боялась увидеть в его глазах такую же ярость как тогда, когда спасала от него Нестерову. Просто продолжала смотреть на свою тетрадь, успев наизусть запомнить каждую черточку рисунка на обложке. Наверное, эта обложка будет сниться мне в кошмарах, напоминая о данном моменте.

Теперь настала очередь Адама нервировать меня своим молчанием. Мне показалось, оно длится так долго, что за это время могли родиться и умереть сотни галактик и вселенных. А он все молчал. Может быть, он ушел давно, а я все жду ответа? Я рискнула поднять голову и оторваться от злополучной обложки, чтобы проверить эту догадку.

Нет, не ушел. Адам смотрел на меня, но лицо у него было как непроницаемая маска. Не возможно было догадаться о чем он думает. В одном мне повезло — если он и злился, то не

очень сильно и мог сам это контролировать. Иначе бы лицо не было таким непроницаемым. И тут он присел на самый краешек скамейки и, наконец, заговорил:

— Что ж, по крайней мере, честно. И твою растерянность я могу понять. Я и сам теперь задумался, а хочу ли я с тобой дружить или нет? Я думал ты совсем другая. Думал, ты смелая. А ты просто испугалась, Соколова. Ты ничего обо мне не знаешь и даже не пытаешься узнать, потому что ты меня боишься. Признай это, и все сразу встанет на свои места.

Это была чистая правда, как же быстро он меня просчитал: за пять минут разобрался в том, с чем я мучилась четыре дня. Отнекиваться было глупо, обижаться — нелепо. На правду ведь не обижаются. И я сказала:

— Хорошо, признаюсь. Я тебя боюсь. Ты напористый, агрессивный и непредсказуемый. Общаясь с тобой, я будто хожу по минному полю, не зная где мина подорвется, а где — нет. Это очень страшно, Адам. Это все время держит в напряжении и заставляет задумываться над каждым словом или жестом. А друзья должны общаться между собой свободно, без всякого напряжения, разве не так? Согласись, любой бы на моем месте испугался. Да, я тебя боюсь и всегда боялась, потому что ты можешь причинить боль просто так, лишь от того, что тебе так захотелось, не задумываясь о последствиях.

— Но ты же не боялась меня, когда защищала Нестерову! — воскликнул Адам — ты была такой спокойной, я не почувствовал в тебе и капли страха! И только поэтому сам смог успокоиться. Почему же ты испугалась теперь?

Бесстрастная маска, скрывавшая его эмоции раскололась вдребезги, и я увидела его боль, гнев и обиду. Это многое мне о нем рассказало. Наконец-то я осознала, в чем у нас с Идолбаевым возникло недопонимание:

— Нет, Адам, не правильно. Тогда я тоже боялась. Мне хотелось убежать от тебя подальше. Я бы так и сделала, да только выход был заблокирован. И у меня не осталось выбора. Если не можешь от своего страха убежать, то надо встретить его лицом к лицу и сквозь него пройти, надо сделать его незначимым, затолкнуть подальше, забыть о нем на время. А вместо него надо сосредоточиться на чем-то другом, более важном, чем страх. Это и есть смелость, Адам, понимаешь? Смелость — это не отсутствие страха, он никуда не девается. Смелость — это сосредоточенность на чем-то более важном, чем страх.

Парень так внимательно слушал меня, как будто я открывала ему великие тайны. Неужели он этого не знал? Пока я говорила, обида и гнев постепенно покинули его лицо и оно приняло задумчивое выражение. В глазах мелькнуло любопытство:

— И на чем же ты сосредоточилась в тот раз?

Я пожала плечами:

— Наверное, на своем чувстве справедливости. Мне показалось очень несправедливым, что староста пострадает за то, что просто пытается быть хорошей старостой.

— Хм, тогда мне все равно не ясно, откуда у тебя взялось твое спокойствие: я думал, ты сосредоточилась на нем — парень устало провел рукой по своим темным слегка вьющимся волосам.

— Да, так и есть. На спокойствии я тоже сосредоточилась, но уже потом... Как тебе объяснить? Толчком послужило чувство справедливости, оно помогло приглушить мой страх. Но твою ярость было этим не победить. Нужен был дополнительный противовес. И вот спокойствие и равновесие стали этим противовесом. Я старалась сосредотачиваться на них изо всех сил по двум причинам: во-первых они нужны были тебе для погашения ярости, а во-вторых они нужны были мне, чтобы приглушать мой страх и быть смелой. Видишь, все просто.

— Да, действительно, просто — подтвердил Идолбаев и хмуро добавил — если ты все это так хорошо понимаешь, то почему думаешь, что не справишься с моей яростью в следующий раз и говоришь, что тебе это не по зубам?

Я призадумалась: а и правда, почему? И тут же поняла:

— Ты не учитываешь один фактор. Мы все постоянно меняемся. Я — человек, и ты — тоже человек, мы не роботы. И наши качества меняются вместе с нами. В один день может оказаться, то твоя ярость выросла, а мое спокойствие осталось на прежнем уровне; в другой день, наоборот, уровень твоей ярости остался прежним, а мое спокойствие — пониженное. И в том и в другом случае, мне — крышка. Я могу тебе помогать без последствий для себя только если мое спокойствие будет сильнее или хотя бы равно твоей ярости. В прошлый раз так было, но я не могу рассчитывать, что так будет вечно. Все меняется.

— Ладно, это я понял — парень вдруг сменил тему и гневно спросил — А теперь, будь добра, постарайся объяснить мне, глупому, так же внятно: почему ты можешь быть смелой, когда я в ярости и продолжаешь меня бояться, когда я вменяемый? Почему не можешь сосредоточиться на чем-нибудь кроме страха, когда речь идет о нашей дружбе? Где твое хваленое чувство справедливости? Разве это справедливо, что ты меня судишь по своим старым представлениям, не попытавшись узнать, какой я на самом деле? А вдруг я совсем другой, не такой как ты думала раньше? А даже если и такой. Ты говоришь, все меняется. Так ведь и я тоже могу измениться. Ты об этом не подумала, нет? — и он обиженно отвернулся.

Тут он меня уел. Возразить было нечего. Но про себя я восхитилась: как быстро и грамотно он применил все, что от меня узнал против меня же. Разоружил меня, моим же оружием, если можно так выразиться. Умен, ничего не скажешь. Но если задуматься, он прав: я сужу его по старым представлениям. А за эти несколько дней я столько нового о нем узнала — и все это очень даже хорошие качества, которые я в нем раньше не замечала. Так может я и вправду дура, что боюсь с ним дружить?

Вот он сидит тут такой обиженный и удрученный, но старается виду не показывать. А я все равно вижу. Я столько гадостей ему наговорила, а он даже не разозлился. Точнее, разозлился, конечно, но больше обиделся. Совсем не та реакция, которую я ожидала от него получить в начале разговора. Значит, я и вправду его настоящего не знаю, а мозг продолжает бояться просто по привычке. Какая глупость! Так, надо как-то срочно все исправить.

И тут в аудиторию быстрым шагом вошел запыхавшийся преподаватель по налоговому праву и обрадованно констатировал:

— Ах, вы еще здесь! Это хорошо. Я немного задержался. И раз у нас осталось мало времени, давайте рассаживайтесь и начнем работать.

«Ничего себе, немного задержался» — подумала я — «его немного на полпары растянулось». Адам вдруг встал и сказал:

— Ладно. Я пойду, сяду в другом месте — лицо у него опять было каменное, и на меня он не смотрел.

А я внезапно осознала, что извиняться надо сейчас, другого шанса не представится. От страха, что Идолбаев сейчас уйдет, я схватила его за руку (чего бы никогда себе не позволила при других обстоятельствах) и затараторила скороговоркой:

— Нет, Адам, подожди. Мы не договорили. Сядь, пожалуйста, я тебя очень прошу. — я смотрела на него снизу вверх, мысленно уговаривая опуститься обратно на скамейку. Услышав о моей просьбе, парень очень растерялся и опасливо покосился на свою руку, которую я пока не собиралась отпускать, но все же молча сел обратно.

Препод в это время начал громогласно обсуждать с Мишей Ершовым что-то из прошлой лекции. Я не вслушивалась, мне все это было не важно. Из-за того, что семинар начался, я не могла продолжить разговор с Адамом. Ждать целых полпары я тоже была не в состоянии, боясь, что он успеет вообразить за это время невесть что, очень далекое от реальности. Поэтому отпустив руку бедного парня, я быстро вырвала листок из тетради и, собравшись с силами, написала:

«Адам, прости меня. Признаю: ты прав, а я — нет. Я все поняла. Теперь я больше тебя не боюсь. Ты еще хочешь со мной дружить или уже передумал?»

Сложив листок в четверо, я сунула его Идолбаеву в ту самую руку, за которую так отчаянно хваталась две минуты назад. Адам недовольно покосился на меня, но листок взял. Развернул и прочитал. Подумал, посмотрел на преподавателя и еще раз прочитал. Сложил листок в восьмушку и убрал в карман брюк. И ничего не сказал, даже не взглянул на меня ни разу. Похоже, он пытался мне таким образом отомстить за мою глупость, наверно очень сильно обиделся. Или и вправду передумал? Я терялась в догадках.

А листок почему-то не порвал и не выкинул, в карман спрятал. Решил сохранить как сувенир на память или это своеобразный трофей, подтверждающий мою капитуляцию? Я старалась думать о чем угодно, о всяких пустяках лишь бы не думать о главном: простит он меня или нет. И только через пять минут таких мучений (показавшихся мне вечностью) он посмотрел на меня своим внимательно-изучающим взглядом. Долго смотрел, у меня все нервы натянулись и завибрировали как струны, хоть до этого мне казалось, что дальше им натягиваться некуда. А затем улыбнулся мне своей обаятельной улыбкой, которая мне еще утром так понравилась, и сказал шёпотом, наклонившись почти к самому моему уху:

— Ты правда меня больше не боишься?

Я согласно закивала.

— Тогда я твой друг и надеюсь им остаться еще очень долго.

— Спасибо — выдохнула я. У меня от облегчения улыбка расплзлась по лицу от уха до уха, и я, как ни старалась, не смогла стереть ее с лица.

Вторник, 28 октября 2003 г.

Адам

Мы с Рустамом и Али сидели в нашей студенческой закусочной. Была большая перемена, так что народу было предостаточно. В последнее время, я редко с ними общался, так как сидел теперь за одной партой с Олей. Мы с Рустамом и Али приехали из одной страны, поэтому оказавшись в одной группе сразу после поступления в налоговую академию и окруженные со всех сторон лицами русской национальности, сразу же сдружились и сплотились. У нас даже получилось нечто вроде братства — мы все эти два года были не разлей вода и в академии, и в общежитии. А вот теперь я как-то самопроизвольно откололся от нашего братства из-за Соколовой, и моим друзьям, похоже, это не понравилось. Во всяком случае, они сегодня притащили меня в нашу закусочную, чтобы, как они выразились, «поговорить по-мужски, без бабских ушей». Оля, услышав от них это выражение (потому что стояла рядом со мной и собирала вещи в сумку, планируя покинуть аудиторию), сказала, что «с радостью избавит свои бабские уши от мужских разговоров» и предупредила меня, что идет в читальный зал доделывать какой-то доклад, так что я, мол, могу не торопиться.

Друзья мои были не из болтливых людей, поэтому разговор как-то не клеился. Они явно что-то хотели мне сообщить, но не знали, как сказать. Интересно, чего это они сегодня такие нерешительные?

Али у нас был наделен большой физической силой, но часто страдал от недостатка ума и всегда предпочитал решать все свои проблемы кулаками, зачастую наживая их от такого способа еще больше. Особым красноречием он не обладал, но был бесхитростным как пяти-

летний ребенок и всегда прямо говорил, что думает. В нашем братстве Али был тяжелой артиллерией и часто был задействован в операциях, когда требовалось грубое физическое вмешательство (читай: в драках).

Рустам, наоборот, физически был худощав и жилист, смотрелся на фоне накаченного Али довольно хило, казалось, что с ним легко справиться. Но это было обманчивое впечатление: его организм обладал невероятной выносливостью, он мог не напрягаясь идти трое суток по горным тропам практически без сна, отдыха и пищи. Мы с Али сами в этом убедились, когда на прошлогодних летних каникулах ездили все вместе домой и ходили в поход. Али и я, не смотря на свою силу и тренировки (у меня бокс, а у Али — спортзал) не могли угнаться за Рустамом (хотя он нигде не тренируется, просто любит много бегать и гулять пешком). К концу третьих суток мы с Али чуть ли не падали от усталости, а Рустаму хоть бы что! Казалось, он мог еще столько же пройти и даже не запыхался бы! Но это было не главное его достоинство. Рустам был скрытен и молчалив, но обладал пытливым умом и хитростью. В нашей компании он был стратегом и мозгом всех проводимых операций.

А я был нечто среднее между этими двумя противоположностями и можно сказать уравнивал их, проявляя свои лидерские качества. В братстве я обычно исполнял роль руководителя. И всех нас это полностью устраивало до последнего момента. Я в общем-то догадывался, о чем друзья хотели со мной поговорить: благодаря Ольге наше братство лишилось лидера и осталось, так сказать, без головы. Вряд ли их это устраивало. Я понимал, что надо больше времени уделять своим старым друзьям и как-то по-братски разделить его между ними и Олей, но ничего не мог с собой поделаться: с ней было так интересно!

Чем больше я ее узнавал, тем больше она мне нравилась. Она так сильно отличалась от всех этих пустоголовых раскрашенных и расфуфыренных дурех, на которых я успел насмотреться за два года своего пребывания здесь. Почти все девять дней, что я провел за ее партой после нашего перемирия, я заваливал ее вопросами о ее жизни и о ней самой, пытаюсь разобраться, что она из себя представляет. Правда спрашивать приходилось в основном на переменах — во время пар Соколова не отвлекалась от учебы и мне не позволяла это сделать. Сначала она отвечала на мои вопросы односложно, общими фразами и как-то не очень охотно. Но постепенно я ее разговорил, и ответы стали более содержательными и информативными. С каждой новой фразой или наблюдением она удивляла меня все больше.

Например, ей было не интересно обсуждать модные тряпки, слезливые сериалы и всякие сплетни — короче все то, о чем беседуют остальные девчонки. Теперь я понял, почему Соколова держится как бы в стороне от всех, и у нее нет близких друзей — ей просто не о чем с ними разговаривать. Еще Оле не нравятся дискотеки и клубы — говорит, что там ей «плохо становится от сильного шума, сигаретного дыма и общего эмоционального фона». Большие тусовки и компании она тоже не любит, видимо опять же из-за шума. Не имеет никаких вредных привычек и старается заботиться о своем здоровье (это я узнал, когда она как-то обмолвилась, что делает зарядку по утрам. Интересно, в наши дни хоть кто-нибудь еще кроме нее из всего студенческого братства делает зарядку, или она единственная в своем роде?) Она никогда ни с кем не жеманничает и не кокетничает, абсолютно самодостаточна.

По-моему самое большое Олино увлечение — это книги. Если бы у нее выпала такая возможность, она бы читала целыми днями напролет. Как выяснилось, среди мира литературы у нее есть свои предпочтения, но она почему-то стесняется о них рассказывать. Во всяком случае, когда я застал ее как-то раз с очередной книжкой и попросил показать, что она читает — она долго отнекивалась и только под угрозой лишения данного печатного издания показала мне обложку. Ничего запретного я там не увидел. Имя автора — Элизабет Клэр Профет — ни о чем мне не сказало. Название: «Фиолетовое пламя для исцеления тела, ума и души» — показалось странным, только и всего. Рисунка как такого на обложке не было —

просто переплетение разноцветных линий. И совершенно не понятно, почему так долго она упрячилась и не хотела показывать? Пришлось спросить прямо.

Забавно, оказалось, что дело было не в книге, а в жанре, к которому она относилась. Слово «эзотерика» я где-то слышал, но толком не понимал, что оно означает, пока Оля мне не разъяснила: этот жанр в литературе посвящен всяким мистическим и магическим событиям, практикам и медитациям, нетрадиционной медицине и целительству и прочей экстрасенсорике. Соколова опять преподнесла мне сюрприз: вот уж не думал, что она любит читать про всяких колдунов и экстрасенсов — я так ей и сказал. А она засмузилась и ответила, что «не надо весь эзотерический жанр сводить к колдунам, экстрасенсам и всякой мишуре, которую показывают по телевизору. В этом плане литература — намного более широкий и достоверный источник, если знаешь что ищешь и как надо искать!». Потом она долго и пламенно рассказывала о своей любимой эзотерике, приводила примеры из прочитанных книг — в общем прочитала мне целую лекцию. И надо признать, благодаря своей начитанности, рассказывать она умеет действительно интересно. Я, конечно, не верю во всю эту чушь про магию и колдовство, а про эзотерику только сейчас и узнал, но даже я заслушался — так у Ольги складно получалось про всякие невероятные теории рассказывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.